

Рассказ

Владимир ПОЛЯКОВ

СОЛДАТЫ

А курат накануне большой войны в совхоз «Убинский» привезли четырех парнишек-детдомовцев на трудюстройство и воспитание. Худые, угловатые, одетые не по росту, с блещущими, не по-детски взрослому плазами они, сбившись в кучку, стояли в кабинете директора, ожидая своей участи. Директор совхоза, крупный и лобастый мужик лет сорока, одетый в китель военного покроя, подобие которого носил сам Сталин и все руководители того времени, прочитал сопроводительку и вынес вердикт:

- Значит так, первых трех оставим у себя в селе, а вот Солдатов Иван, - обратился он к одному из детдомовцев, и, заметив, что тот согласно кивнул, продолжил, - поедешь в Камешки. Там у кайгородовых на постой и определим. Работ-

задремал. Очнулся, терзает кот-то. Глаза не открывая, подумал.

- Опять немцы! Плен! Ну, хрен вам! Умиру, но не сдамся! И ногой, со всей силы, как пнул, перед собой. Только не очень сильно получилась. Выло. Оспаб видно. Слышит:

- О! Пля кревы! - и еще что-то не понятное. Открыл глаза - дедок какой-то перед ним стоит, на немца не похож, совсем. И плывет этот дедок куда-то в сторону, никак не остановится, то вправо, то влево, а потом и вовсе пропал.

Очнулся Иван, не поймет ничего. Травами какими-то пахнет. Тепло. Лежит он на широкой лавке. В головах подушка, мехляйка под ним. Горой по пояс. Печурка попешками пощелкивает.

«Где я? На плен не похоже, да и дедок этот возле печки что-то копается. Не фашист, точно.»

- Эй! Ты кто? - прошептал Иван.

Дед медленно повернулся, встал с колен, подошел. Проползотал что-то в полголоса. Присел рядом. Внимательно посмотрел Ивану в глаза и вышел из избы. Иван забылся. Почувствовал прикосновение к груди, стало больно и как-то щипотно. Открыл глаза. Смотрит - дед над ним завис, трапochку в виде жгута тонкого прямо в рану толкает. Трапochка холодная, но приятная, цвета темно-синего. Вроде как в глине синей. Заметил, что Иван очнулся и шепчет:

- Ш... ш... ш... да левой рукой за лоб придерживает, глазами моргает, мол, спокойно лежи, и все па-ном называет.

- Прошу пале, прошу... Ивану смешно стало.

- Нашел пале!

Старый процедуре закончил и принес чашку чего-то пахучего. Запах ноздри щекотал. Захотелось есть. Да так сильно! Иван даже привстал. Но дедок не дал, только подушку под голову подправил и стал потихоньку с ложечки кормить Ивана. Поку-

шали. Иван уснул, сповно провалился.

Так прошло несколько дней. Старик дважды в день менял трапochку, смазывая ее, синей глиной из миски, которую разводил и разминал, уже не таясь, перед Иваном. Заталкивал ее глубоко в рану, с помощью длинной палочки. Да так глубоко, что Ванька боялся, не проткнет ли он его насквозь. На все вопросы старик отвечал:

- Не разумею, пане.

- Как думаешь? Спать можно или нет? А то вида никакого, - сетовал он санитару и сам себе же отвечал:

- Наверное, нет. Испортили медальку. Стреляли бы мимо, дак нет же - прямо в нее. Специально целился, гад, - ругал он немца.

В маленьком городке остановились.

Старшина открыл дверь и, не выходя под дождь, прокричал:

- Приехали! Вылезайте. Вам по этой улице немного пройти, а там направо и госпиталь. А нам прямо в другой конец. Ну, бывайте!

Хлопнул дверцей и растворился вместе с грузовиком в пелене дождя.

Доктор - мужичонка, маленького роста, в белом халате, с бородкой и в пенсне, вертел Ивана и пощелкивал языком: - Да... батенька мой! - приговаривал он. - Повезло вам! Значит, глиной, говорите, лечили? Надо же! А вот это что там у вас? Ох, ты! Да это же пуля! Она родима. Сейчас мы ее легонечко, линчиком...

Он кovyрнул со спины, и на блестящую поверхность ванычки звякнула свинцовая бляшка.

- Вот теперь порядок! - продолжал он. - Больно? Нет, говорите?! Странно, батенька... Ну, да перевязочку сделать все равно необходимо. Встаньте-ка сюда поближе к свету. Вот так хорошо.

Доктор оказался лицом, как раз напротив дырки и испуганно отшатнулся.

- Не может быть! - воскликнул он.

- Ирина Михайловна, голубушка, идите немедленно сюда! Сквозное ранение грудной клетки, но заросло-то как! Маленькая женщина выпорхнула из-за перегородки, где чем-то звякала и подошла к Ивану.

- Смотрите! Ведь насквозь видно! Быть не может!

Ирина Михайловна охнула, схватилась за край стола и медленно присела на стул.

- Вот, голубушка, моя, - протянул доктор. - Встречаются же феномены! Ума не приложу, что дальше с ним делать? Зашивать? Зачем? Она и так заткнулась. Да, батенька... И он снял пенсне, потер его о край халата, снова одел и еще раз внимательно осмотрел дырку.

- А я вас, голубушка, сквозь него вику! - радостно воскликнул он. Ирина Михайловна встала, тоже посмотрела. Сказала:

- Температуру мерили? - и потрогала лоб Ивана.

- Нормальная вроде!

- Температура - дура! - пропел доктор. - Положим его на недельку, понаблюдаем.

Ивана определили в третью палату, где лежали еще двое раненых. Один в ногу, другой в плечо.

Весть о том, что в третьей лежит раненый в грудь боец с дыркой насквозь, и через нее все видно, облетела госпиталь мгновенно. Очередь из ходячих раненых, выстроилась в коридоре. Желавших посмотреть было много. Но врач запретил. Сторожить возле дверей было некому, поэтому любо-

ники с вас никакие, так, на разные пойдете. Калачи с маком не обещаю, но хлеба с картошкой и с молочком для вас хватит. На том и порешили. Семья кайгородовых была не маленькой. Отец с матерью да пятеро по лавкам. Ваньку принесли настороженно, неохотно, но возражать не стали. Тем более, что парню совхоз харчи положил. Устроили помощником скотника на дешевой ферме. Вставать приходилось рано, ложиться поздно, но Иван довольно быстро втянулся в работу. Во-

зять на поливку и папавать, еще солдату воябликовиди, иди.

рять навоз и поить. Дело общим-то, нехитрое. Поначалу помогло, но постепенно пообвык. И все у Ивана складывалось бы ладно, но грянула война! Страшная и беспощадная мясорубка.

И потекла человеческая река, от корней и истоков своих, в жуткую безысходность, на бой кровавый. Поредели и осиротели деревни.

Парней пока не трогали. Пока. Да и возрастом они еще не вышли, по пятнадцать только. Но время шло. Война катилась сначала до Волги и Москвы, а потом медленно стала отползать назад, на запад. К середине 43-го пришла повестка и Ванке. Двое его друзей были уже на фронте. Иван за это короткое время возмужал и подрос. А уж силенкой Бог его не обидел, это точно.

Провожать народа пришло немного. Да и устал народ провожать на эту кровавую бойню. Не успеют пропроводить - похорошка. Посидели вечером под ивой, возле речки. А утром за Ванькой пришла подвода - лошади старенькая с ходком дикреторским и дедком-кучером.

На фронт Иван пошел быстро. Научили стрелять да ползать и готов боец. По началу страшно было. Но Иван привычен был к трудностям. Пообтерся. Да и Господь берет его. Почитай, год да три месяца без единой царапины. Медаль «За отвагу» получил, хотя отважным себя и не считал. Так, пару раз фрицев подбирал да к своим приносил. А вот в октябре 44-го не повезло. Взрывом фугаса контузилось. Сознание в миг выбило. Очнулся, пинает его кто-то в бок. Голова, как не своя, тяжелая, руки и ноги ватные. Поднялся кое-как, вокруг немцы. Злые, как черти, по-своему что-то лопочут. Иваном кличут.

- Откуда имя знают? - сообразить не может. Толчками да пинками нтали недалечно. Собрали с десятков человек, таких же бедолаг, как он. Кто ранен, кто контужен. Построили возле оврага, и с автоматов от живота поноснули. Вот и все...

Сколько времени прошло, никто не знает. Очнулся Иван. Дождь идет, мокро все. Пошевелил руками - ногами, на месте вроде, только грудь слева, ниже соска помит, да сильно так! Отыдаться, рядом с ним расстрелянные лежат. Окончательно уже. Жутко стало Ивану, и потопил он из оврага. Скользко. Земля мокрая, жирная, как масло.

- Добрая земляница-то, - подумал он, - должно урожаи хорошие дает, совсем, как у нас...

Выбрался. Дополз до ближайшего дерева. Оперся. Присел. Немного задремал будто. Очнулся - холодно, морозит. Посмотрел на грудь. Ни черта не видно. Гимнастерка в грязь, и медаль в грязь.

- Не сняли, - подумал он.

Потер большим и указательным пальцами, а сегмента медали-то и нет. Как есть, третьей части, где танк выдавлен и нет! Осерчал Иван.

- Вот суки! Испортили медальку-то. Как теперь дома покажусь?

Засмеют. Задрал гимнастерку. Видит на груди дырка черная, запеклась по краям, а из нее потихоньку кровит. Ну да дело солдатское, фамилию оправдывать надо. Пополз дальше. Не помнит, сколько полз. Терял сознание, наеверное, спал, и дальше полз. Куда и сам не знал. Только все же выполз. Осмотрелся - дорога вроде. Худая, правда, но дорога. Судя по всему, ездят по ней редко. Сел с боку дороги, возле пеньки и

жики, но объяснения не принесли результатов. Он стал сам самостоятельно садиться, а когда дед уходил, пытался вставать. Голова еще кружилась, но мысли были чисты и силы прибывали с каждым часом. Хотя пились они с дедом вареным картофелем да пахучим вазаром. С чего он готовил его, Иван не знал. Но вазар был густой и сытный.

Примерно день на седьмой, старики ушли, как всегда, не сказав куда. Иван ждал его весь день, вечер и ночь, но он не вернулся. Где-то близко, уже около двух дней бухало, гремело, а по ночам горело зарево. Слышно было, что приближался большой бой. Непонятно, кто наступал, наши или немцы. Вот и прохоту, Судя по солнышку, наступали наши с востока или северо-востока. На другой день Иван встал, вышел на улицу. Было прохладно, свежо. Он вернулся в избу. Еще немного колебался, наконец, решил. Пора.

Одел дедову мехляйку, на которой спал, взял остатки синей глины, скатал ее в колобок и, прихватив несколько вареных картошек, выпил вазар и вышел. Направление взял на канонаду, шел осторожно, прятаясь, избегая открытых мест.

На третий день вышел к своим. Итых полчаеа Иван толковал молодому капитану о том, как попал в плен, о расстреле, о дедке. В конце беседы поднял гимнастерку и показал дырку. Да именно дырку. Ранка по краям затянута, а когда вытаскивал тряпочку, то получалась дырка. Как глубоко она была, он не знал. Капитан поначалу сомневался, а как дырку увидел, поверил. Повернул Ивана к себе спиной, а там под полаткой бестит что-то. Ковырнул лезвоню и на ладошку вывала недостающая часть медали «За отвагу». Всякого за войну насмотрелся капитан. Разные ранения видел, а тут плазм своим не верит. Выходило человек насколько простреленный! Крикнули санитары. Прибежал. Посмотрел. И руками разводит.

- В госпиталь, - говорит, - его надо. Врачу показать. Завертелось все вокруг Ивана. Принесли шинельку, сапоги на смену, шапку. Он попросил поест. В миг соорзили. Каши с мясом, хлеба и чай. От обилия еды у Ивана голова закружилась. Покушали с капитаном плотно, выпили даже по наркомовской. Капитан распустил так.

- Сейчас отдохни немного, а через часа два старшина роты за продуктами едет. Вот с ним в сопровождении санитары и поедешь в госпиталь.

Дорога в госпиталь оказалась Ивану долгой и скучной. Шел мелкий осенний дождь, по обочине справа тянулись бесконечные колонны военных, которые шли на запад, значит на фронт.

- Эка! Сколько народу-то прет! И где только берут? - размышлял он вслух, сидя в кузове грузовика, рядом с санитаром.

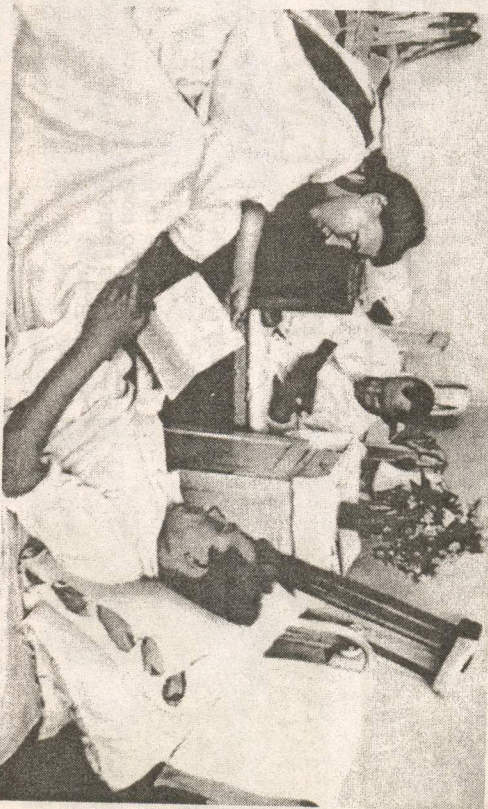
- А техники-то, техники, ну теперь фашисту капут. - Санитар отсталчивался, куда-то в шинель и подтяв воротник, курил самокрутку, прятая в кулак. Кашпал.

Иван доставал из кармана гимнастерки сегмент медали, приглядывал к медали, никак не сходилось, погнуло медаль-то.

пытные все же прорывались. Смотрели в дырку, сначала с опаской, потом, привыкнув, весело пересмеивались, разглядывали медаль и кусочек. Качали головами.

К вечеру пришел военный в звании майора. Доктор сопровождал его. Выгнали всех любопытных. У дверей поставили часового. Майор расспрашивал Ивана подробно: как попал в плен, как вышел к своим, и все записывал. Потом уходил куда-то, наверное, звонил. Снова приходил, и все лигт грудь и хочется спать. Майор ушел.

На утро появился в палате. Еще раз все расспросил и в заключение бросил:

- Вы, Солдатов, без вести пропавший. На вас документ имеется, и сообщение на Родину отправлено. Так что лежите пока, а там решат, что с Вами делать. - он показал пальцем в потолок и вышел.

Прошла неделя, друга, выпал первый снежок. Однажды утром в палату заглянул доктор и сказал:

- Солдатов, с вещами ко мне в кабинет!

В кабинете, кроме доктора, Ирины Михайловны, находились еще два военных. Пожелали осмотреть Ивана. Он снял гимнастерку, белье, показал дырку. Военные поохали, показали головами, велели одеваться. Потом старший из них, в чине полковника, сказал:

- Рядовой, Солдатов. По решению медицинской комиссии, вы списывается в чистую, в запас. Зайдете по этому адресу в финчасть, получите командировочные, продукты, в стро-евой документы.

- Это что же, домой, что ли отпускаете? - не понял Иван.

- Выходит, что так, - сказал старший.

- Ваше ранение не совместимое с жизнью, - Добавил доктор и захихикал, потом опасливо отгнуллся на полковника, и прижав ладошку ко рту, произнес:

- Извините, пожалуйте!

Так война для солдата Солдатова Ивана и закончилась. А глину забрали, сказали, что на анализ. Ну да Иван не жалел. Ему она ни к чему.